

А.А.Бландов, И.А.Мельников

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НОВГУ В МОШЕНСКОЙ РАЙОН НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья содержит научный отчет об этнологической экспедиции Новгородского государственного университета в Мошенской район Новгородской области (июль 2017 г.). Особое внимание уделено современному этническому составу и состоянию народного христианства.

Ключевые слова: народное христианство, деревенские святыни, культура дороги, эстонцы

Публикуемые ниже материалы были собраны во время этнографической экспедиции, организованной лабораторией этнологии и истории культуры Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого и проходившей с 3 по 11 июля 2017 г. на территории нескольких сельских поселений Мошенского района Новгородской области. В экспедиции принимали участие И.А.Мельников (рук.), А.А.Бландов, а также студентки 2 курса филологического факультета НовГУ А.С.Басараб и К.А.Платонова. Основными темами опроса являлись этноконфессиональный состав населения Мошенского района, традиционная календарная обрядность, обрядность жизненного цикла, деревенские святыни и народные верования, а также юродство и нищенство в сельской среде XX в.

Этнический состав населения Мошенского района

Несмотря на то, что основную долю населения Мошенского района всегда составляли русские, этнический состав местных жителей не был однородным. Так, в конце XIX — начале XX в. здесь появилась довольно многочисленная группа эстонцев. До 1930-х гг. они проживали дисперсно по всему району, иногда образуя довольно крупные массивы хуторов (например, около д. Ореховно). Во второй половине XX в. большинство эстонцев покинуло территорию Новгородской области, а оставшиеся практически полностью обрусели. В ходе экспедиции 2017 г. нам не удалось встретить ни одного носителя эстонского языка.

Возможно, вместе с эстонцами на территории Мошенского района проживало также некоторое число латышей. По крайней мере, о них иногда упоминают информанты. Впрочем, сегодня и тех и других нередко обобщенно называют прибалтами и в некоторых случаях путают с финнами-ингерманландцами, выселенными сюда из-под Ленинграда во время Второй мировой войны. Таким образом, в Мошенском районе постепенно сложилась полиэтническая среда. В некоторых населенных пунктах можно было встретить и русские, и эстонские и финские фамилии: *«Вот у нас много таких [финских] фамилий: Ильмас, Павилайнен, Виротайнен, Вибамяги. А потом Эскусон — это уже эстонцы»* [1].

Этнический состав местных жителей стал еще разнообразнее в последней четверти XX — начале XXI в. В этот период в Мошенском районе появились выходцы из Чеченской республики, Армении и Таджикистана. Сегодня они работают в сельском хозяйстве, занимаются частным предпринимательством (например, чеченцам приписывается контроль за рынком лесозаготовок и деревообработки Мошенского района) или временно уезжают на заработки в крупные города (в основном таджики).

Деревенские святыни и народные верования

В конфессиональном отношении состав населения обследованного нами микрорегиона также не был однородным. Однако, насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении источники, абсолютное большинство местных жителей всегда исповедовали православие.

Вплоть до XX в. среди православных существовала традиция ходить «по завету», то есть по обещанию, данному в связи с болезнью или иным несчастьем, в дальние церкви и на особо почитаемые места, одним из которых были так называемые «Забудущие» — урочище, расположенное на северо-востоке Боровичского района [2]. В самом начале XX в. там был основан монастырь, однако даже после его ликвидации в советское время туда ежегодно стекались многочисленные паломничества: *«Вот к Забудущим-то многие ходили, что-то рассказывали бабушки. По заветам, говорят. <...> Ну, например, я болею, сделаю себе в уме или скажу: “Я схожу, чтобы поправиться мне, чтобы ушла от меня болезнь, я схожу вот туда-то”, — ну вот такой и завет»* [3]. Аналогичные паломничества совершались также в д. Миголощи Хвойнинского района, к могиле местнотимого святого Марка Пустынника [4].

Определенным сакральным статусом в северо-восточной Новгородчине порой обладали и некоторые жальники — сохранившиеся до наших дней средневековые могильники [5]. И хотя у нас нет данных, что в Мошенском районе на жальники ходили по завету, эти объекты, тем не менее, так или иначе были отмечены традицией. В частности, со многими из них были связаны сказания о провалившейся церкви, о нашествии и ослеплении «литвы».

Такие предания распространены по всей Новгородской области. По своей структуре они относительно маловариативны: литва проходит по какой-то местности, доходит до определенного сакрального объекта (например, до церкви), совершает некие кощунственные действия (например, разрушает церковь), слепнет и гибнет [6]. Примечательно, что в преданиях, бытующих в Мошенском районе, слепота настигает интервентов после того, как они умылись водой, взятой из почитаемого родника [7] (вероятно, святотатством считается уже сам факт соприкосновения интервента со святыней). Однако нам в ходе экспедиции встретился и противоположный мотив: литва умывается водой из святого источника и получает исцеление: *«Тихвинский-то храм [в д. Меглецы] стоял там на этом возвышенном месте, где жалник, древний жалник, захоронение древних славян, стоял потом храм, и во время этой литвы его в реку столкнули крестоносцы. Еще говорят, как бы есть там такая легенда или нет, что после того как они столкнули этот храм, этот отряд литовцев этих, они все ослепли, зрение потеряли. И потом вот они там покались, помолились, и вот есть источник Агриппины Купальницы [в д. Дерягино], они потом на этом источнике Агриппины Купальницы умылись... и вроде бы как прозрели»* [8].

Большое внимание в ходе экспедиции было уделено мифологическим нарративам — рассказам о чертях и дворовом хозяине, о возвращающихся покойниках и колдунах, о нечистых местах и дурном глазе. В целом записанные нами тексты вполне типичны для Северо-Запада России. К числу таких текстов относится, например, рассказ о «сотрудничестве» колдуна с нечистой силой: *«Мой дедушка, мне рассказывали, я маленькая была, но я запомнила это, что у него ну какой-то мужик украл там что-то... И он пошел к мужику, у которого были, говорили, что у него нечистая сила у этого мужика есть, что он предсказывал... Ну и вот он дедушка и говорит: “Вот вы не поверите ни за что, но я видел у него нечистую силу”. <...> Он и говорит, что вот хочешь посмотреть, свистнул, и прискакали какие-то маленькие в красных шапочках с розам, иль что-то вроде там на головах, как животные какие-то бегают с хвостам. Он их это, ну дед увидел, и вот шапку, говорит, подняли. Испугался, испугался, он говорит, потом он говорит: “Ну ладно, видишь, дедко испугался, — он говорит, — ну идите вон”. Они, видимо, на чердаке из песка веревки вили, они все время просят, говорит, работы, и он заставляет их вить из песка веревки»* [9].

Календарная обрядность

Рассказы о праздниках календарного цикла составляли важное место в любом нашем интервью. Не имея возможности привести их полностью, ограничимся лишь описанием наиболее ярких элементов бытовавшей здесь некогда календарной обрядности.

Судя по воспоминаниям наших информантов, Масленица отмечалась несколько дней. И хотя во второй половине XX в. большое влияние на масленичную традицию оказывали культмассовые работники, в обрядности Масленицы сохранялись и некоторые архаичные черты. Например, в одной из деревень существовала традиция разжигать костер и возить его вдоль берега озера на санях: *«Так мы костер зажжем, и вот по берегу взад-вперед едешь с костром на санках»* [10].

Вплоть до последнего времени соблюдались некоторые обряды, связанные и Егорьевым днем, когда совершался первый выгон скота в поле после зимы. В этот день производился обязательный обход скотины в своем хозяйстве, а также магический обход всего стада, совершавшийся пастухом. Рассказывают, что попадание человека в обход грозило ему одержимостью нечистой силой: *«В Сирочье там бригадир А.Г., значит с этого с Сирочья был, и он напился пьяный и попал в обход. Ну и что, и он, и он потом, поди, повесился там или что-то вроде этого. [Соб.: Что значит попасть в обход?] Ну вот обходит, и он к коровам туды забрался, был пьяный, уснул у коров. <...> [Соб.: А почему он повесился-то?] Потому что попал в обход, это нечистая сила, наверное, там, иль кто, я не знаю, что-то с ним командовала, что он, он потом, он потом, он повесился, наверное, когда протрезвел»* [11].

Несколько хуже сохранялись обряды, приуроченные к празднику Покрова Пресвятой Богородицы. В этот день скот загоняли в хлев, при этом произносили слова: *«Покров милостивый, Никола милостивая, награди скотинку добрым здоровьем, а я тебя — хлебом и солью»* [12].

Некоторые обряды, связанные с животноводством, совершались также в Чистый четверг — последний четверг Великого поста. Так, в этот день до восхода солнца обходили дом с решетом в руках («чтоб куры не ходили на чужой двор»), окуривали двор тлеющими углями, запекали в печи так называемую четверговую соль и скармливали ее скотине. Другие обряды Чистого четверга имели иное значение. Например, рано утром («чтоб ворон не успел воды напиться») следовало взять в колодце воды и умыться ею (при этом в умывальник бросали серебряные монеты). Девушки на заре ходили расчесывать волосы, «чтоб волосы росли хорошие, длинные». Также утром приносили из леса веточки можжевельника и втыкали их за дверь для защиты от нечистой силы. В этот же день делали уборку в доме и чистили печь от сажи. Вообще, бытует мнение, что в Чистый Четверг следовало переделать сорок дел.

Одним из самых важных праздников народного календаря была Пасха. В течение сорока дней после Пасхи, вплоть до Вознесения, в деревнях устраивались так называемые «кátальные воскресенья», когда разрешалось играть и угощаться яйцами.

Неотъемлемым элементом календарной обрядности являлись деревенские («престольные») праздники. Однако их отличия от заветных праздников уже не осознаются. Предание о возникновении деревенского праздника удалось записать лишь в д. Красная Гора: *«У нас будто по ручью приплыла сюда икона Ильи, вот и Илью у нас и праздновали. Вот и церковь поставили на этом же месте, где нашли»* [13].

Обряды жизненного цикла

Большинство опрошенных нами информантов не знают деталей родильной обрядности. Самым устойчивым ее элементом является магический запрет смотреть посторонним людям на роженицу и младенца сразу после родов. Близкие же, напротив, навещали родившую мать и приносили ей подарки. Такие визиты назывались навестами.

В некоторой степени удалось реконструировать свадебный обряд [14]. Наиболее устойчивы воспоминания о досвадебных ухаживаниях, сватовстве, выборе «дружки», приезде жениха, «заламывании» дороги молодым, благословении родителей, передаче приданого и свадебном застолье. Благодаря упорству участниц нашей экспедиции было сделано несколько записей свадебных песен.

Похоронная обрядность сохранилась гораздо лучше. Основные ее элементы вполне традиционны: приготовление смертной одежды, омовение тела, прощание с покойником в доме, на выходе из деревни и на кладбище, сжигание либо раздача одежды, собственно похороны, принесение «завтрака» покойному на следующий после похорон день, поминовение на девятый и сороковой день, а также в другие поминальные дни. Как и в соседнем Хвойнинском районе, гроб в доме ставили не головой, а ногами к иконам. При этом сохранялся запрет на нахождение в доме кошек. Широко распространенной практикой является традиция передавать на тот свет с покойным какие-либо вещи: «Приснился [женщине] сон, там муж просит новую рубаху, скажем, такое бывает, там другая вот износилась, и женщины приносят новую рубаху и это кладут [в гроб]: “Можно мы передадим?” Ну, ради бога. <...> Кто-то денежку мог положить там, передать, на курево не хватает, там могут что еще, пачку сигарет попросить... Кто-то потихоньку это сделает там, кто-то скажет: “Ой, можно?”» [15]. Есть сведения, что иногда гроб устанавливали в могилу не на голую землю, а на специальный деревянный настил. Довольно своеобразны и встреченные нами надгробные сооружения. Например, на кладбище близ д. Устрека сохранились надгробные сооружения в виде грубо обработанных веток можжевельника (рис. 1).

Нищие, странные люди и юродивые в сельской среде XX в.

Повсеместно в Мошенском районе существовала традиция пускать нищих («милостяг», «побирах») в свои дома, предлагать им пищу и ночлег. Одна из наших информанток вспомнила о пожилой паре «побирах», приходивших из дальней д. Щетиново: «Дедка бабку гонит, через плечо, а придет сюды, придет сюды, ну чего, накормишь, напоишь, оставишь его ночевать... А у нас он придет с бабкой-то, встанет утром рано, всё крестится, а мы, а мы, а мы думаем, чего такое, дедка-то никак с ума сходит... [Соб.: Он часто приходил?] А его бабка водила, он с бабкой ходил один, а потом, говорят, померли. [Соб.: А почему его бабка водила, он что, сам не мог ходить?] <...> Да он-то ходил, а бабка-то не может ходить» [16]. По словам другой информантки, в детстве ее исцелила «божественная» странница [17]. Как видно, деревенские нищие зачастую воспринимались как особо набожные, «божественные» люди, просящие милостыню Христа ради.

К деревенским чудакам («дурачкам», «убогим») относились по-разному. Они сохранились в памяти либо как лица, развлекавшие местных жителей (например, некоторые вспоминают бродячего Петю Цимбалиста, который играл на цимбалах «Царицу Тамару»), либо как юродивые, обладавшие особым даром прозорливости. Таковы воспоминания о блаженном Илюше из с. Мошенского, который, явившись во сне, предсказал деду одной из наших информанток долгую жизнь: «Деду привиделся, говорил ему: “Что ты притворяешься, ты еще проживешь до восьмидесяти с лишним лет”. <...> Это было, когда деду было лет сорок, после войны» [18].

Отношение к странным людям и в советский период сохраняло вполне традиционные установки, зачастую им придавался статус «божьего человека». Наличие устойчивых воспоминаний и быличек о нищих и странниках свидетельствует о присущей народной среде мифологизации пришельца [19]. Также в XX в. сохранялась такая форма народной религиозности, как почитание юродивых.

Данные, полученные в ходе этнографической экспедиции, позволяют судить о существенных изменениях, происходящих в сельской среде во вт. пол. XX — нач. XXI в. Это касается как изменений в этническом составе, так и трансформации традиционных народных верований и обрядности. Отдельно стоит отметить, что на состояние фольклорной памяти Мошенского района существенно повлияла активная деятельность музыкальных коллективов, собирателей и исследователей, которые часто приезжали сюда за материалом в недавнем прошлом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Новгородской области в рамках научного проекта №18-49-530002 «Народное христианство в социокультурном пространстве Новгородской земли XX — XXI вв: исследование динамики феномена на материале архивных и новейших материалов фольклорно-этнографических экспедиций».

1. Со слов А.Н.В., 1955 г.р., пос. Октябрьский Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
2. Галкин А.К., Бовкало А.А. Очаг веры у «Забудущих родителей» // София. 1997. № 2. С. 23-25.
3. Со слов Н.Е.А., 1927 г.р., д. Устрека Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
4. Жервэ Н.Н. Марк-Пустынник // София. 1997. № 2. С. 22-23.

5. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетея, 1998. С. 207-236.
6. Штырков С.А. Наказание святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб.: Европейский университет, 2001. С. 199.
7. Примеры таких текстов опубликованы: Штырков С.А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. С. 136, 214, 217.
8. Со слов Н.С.В., 1957 г.р., с. Мошенское Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
9. Со слов Я.Т.П., 1938 г.р., д. Слопотово Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
10. Со слов Л.О.В., 1938 г.р., д. Кабожа Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
11. Со слов Я.Т.П., 1938 г.р., д. Слопотово Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
12. Со слов Н.Н.Г., 1941 г.р., д. Сбоево Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
13. Со слов И.В.Н., 1928 г.р., д. Красная Гора Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
14. Подробнее о новгородском свадебном обряде см., например: Фольклор Новгородской области: история и современность / Сост. О.С.Бердяева. М.: Стратегия, 2005. С. 87-159.
15. Со слов А.Н.В., 1955 г.р., п. Октябрьский Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
16. Со слов К.Л.П., 1937 г.р., д. Слопотово Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
17. Со слов К.Н.А., 1945 г.р., д. Слопотово Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
18. Со слов К.Г.И., 1952 г.р., с. Мошенское Мошенского р-на // Материалы ЭКЭ НовГУ.
19. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв. М.: Индрик, 2003. С. 428.

References

1. So slov A.N.V., 1955 g.r., pos. Oktyabr'skiy Moshenskogo r-na [According to A.N.V., 1955 b., p. Oktyabr'skiy, Moshenskoe dist. Materials of The Ethnographic expedition of NovSU]. Materialy EHKEH NovGU.
2. Galkin A.K., Bovkalo A.A. Ochag very u "Zabudushchikh roditeley" [Holy Place "Forgotten parents" as a source of faith]. Sophiya, 1997, no.2, pp. 23-25.
3. So slov N.E.A., 1927 g. r., d. Ustreka Moshenskogo r-na [According to N.E.A., 1927 b., v. Ustreka, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
4. Zherveh N.N. Mark-Pustynnik [Mark the Desert Father]. Sophiya, 1997, no. 2, pp. 22-23.
5. Panchenko A.A. Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii [Study of the people's Orthodoxy. Holy places of the North-West of Russia.]. Saint Petersburg, Alateya Publ., 1998, pp. 207-236.
6. Shtyrkov S.A. Nakazaniye svyatotatsev: fol'klorny motiv i narrativnaya skhema [Punishment of blasphemers: folk motif and narrative scheme]. Trudy fakul'teta ehtnologii, iss. 1. Saint Petersburg, 2001, p. 199.
7. Shtyrkov S.A. Predaniya ob inozemnom nashestvii: krest'yanskiy narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoy Novgorodchiny) [Traditions about foreign invasion: peasant narrative and landscape mythology (based on materials from the Northeast Novgorod Region)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2012, pp.136, 214, 217.
8. So slov N.S.V., 1957 g.r., s. Moshenskoe Moshenskogo r-na [According to N.S.V., 1957 b., s. Moshenskoe, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
9. So slov Ya.T.P., 1938 g.r., d. Sloptovo Moshenskogo r-na [According to Ya.T.P., 1938 b., v. Sloptovo, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
10. So slov L.O.V., 1938 g.r., d. Kabozha Moshenskogo r-na [According to L.O.V., 1938 b., v. Kabozha, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
11. So slov Ya.T.P., 1938 g.r., d. Sloptovo Moshenskogo r-na [According to Ya.T.P., 1938 b., v. Sloptovo, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
12. So slov N.N.G., 1941 g.r., d. Sboevo Moshenskogo r-na [According to N.N.G., 1941 b., v. Zboevo, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
13. So slov I.V.N., 1928 g.r., d. Krasnaya Gora Moshenskogo r-na [According to I.V.N., 1928 b., v. Krasnaya Gora, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
14. Berdyayeva O.S., comp. Fol'klor Novgorodskoy oblasti: istoriya i sovremennost' [Folklore of the Novgorod region: yesterday and today]. Moscow, 2005, pp. 87-159.
15. So slov A.N.V., 1955 g.r., p. Oktyabr'skiy Moshenskogo r-na [According to A.N.V., 1955 b., p. Oktyabr'skiy, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
16. So slov K.L.P., 1937 g.r., d. Sloptovo Moshenskogo r-na [According to K.L.P., 1937 b., v. Sloptovo, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
17. So slov K.N.A., 1945 g.r., d. Sloptovo Moshenskogo r-na [According to K.N.A., 1945 b., v. Sloptovo, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
18. So slov K.G.I., 1952 g.r., s. Moshenskoe Moshenskogo r-na [According to K.G.I., 1952 b., s. Moshenskoe, Moshenskoe dist.]. Materialy EHKEH NovGU.
19. Shchepanskaya T.B. Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX—XX vv [The culture of the road in the Russian mythological and religious tradition of the 19th—20th centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2003, p. 428.

Blandov A.A., Melnikov I.A. Ethnographic expedition of Novgorod State University in Moshenskoe district of Novgorod region. The article contains a scientific report on the ethnological expedition of the Novgorod State University in the Moshenskoe district of Novgorod region (July 2017). Particular attention is paid to the modern ethnic composition and the popular Christianity of this region.

Keywords: popular Christianity, holy places, road culture, Estonians.

Сведения об авторах: А.А.Бландов — кандидат исторических наук, Международный банковский институт (Санкт-Петербург), var_87@inbox.ru; И.А.Мельников — кандидат культурологии, учебно-научная лаборатория этнологии и истории культуры, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород), potep_88@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.07.2018.